

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА**

До последнего времени политическая антропология (или в нашей традиции политическая этнография) [1] как самостоятельная субдисциплина в рамках социальной антропологии (или этнографии) отсутствовала в учебных планах российских образовательных учреждений. Впервые в качестве спецкурса по выбору она стала преподаваться в Санкт-Петербургском государственном университете в 1995 году, на кафедре культурной антропологии и этнической социологии, которая была создана на социологическом факультете лишь в 1993 году, а с 1997 года как обязательный для посещения студентами спецкурс. Что же касается кафедры этнографии на историческом факультете СПбГУ, то в ее учебных планах подобной дисциплины не значится до сих пор. На Западе политическая антропология (ПА) одна из наиболее весомых субдисциплин в рамках антропологии, а прохладное к ней отношение со стороны наших профессиональных этнографов дает повод поговорить о значении дальнейшего развития в России антропологии вообще и ПА, в частности. Здесь я имею в виду прежде всего прикладной потенциал этой науки и ту роль, которую она способна сыграть в регуляции общественно-политических процессов. В этой связи сошлюсь на данные, приводимые директором Института антропологии и этнологии им. Миклухо-Маклая (РАН) В. Тишковым. В структуре университетов США, к примеру, существует 300 самостоятельных факультетов антропологии (или культурной антропологии). Число ученых, посвятивших себя антропологии, стремительно растет во всем “западном” мире. Например, число членов Американской антропологической ассоциации увеличилось с 1101 в 1940

году до 2260 в 1950 году и до 6420 в 1970 году. Сегодня же их насчитывается 10500 человек [2, с. 10].

Я думаю, что подобный рост интереса к антропологии обусловлен не только познавательными мотивами, стремлением людей познать самих себя во всем своем культурном многообразии. Представляется, что подобный факт можно объяснить и чисто практическими целями: современная глобализация общественных процессов означает интенсификацию таких взаимодействий различных групп интересов (экономических, политических и т.д.) во всем мире, которые могут осуществляться только в форме межкультурных контактов. Поэтому понимание особенностей культуры намного повышает вероятность адекватной оценки возможных результатов взаимодействия тех или иных общественных субъектов для достижения своих целей. Это особенно отчетливо можно было наблюдать на примере бизнесменов, устремившихся в Россию после “перестройки”. Нередко та или иная западная фирма оплачивала своему сотруднику “стажировку” в России, в ходе которой он должен был выучить язык, глубже познакомиться с культурой народа, т.е., иными словами, овладеть определенными антропологическими знаниями с целью дальнейшего использования их в интересах дела (в данном случае во имя экономического успеха своей фирмы). Рассматривать такой повсеместный рост интереса к антропологии под этим углом зрения - дело естественное, если вспомнить, что она как наука вообще возникла, прежде всего, под давлением общественно-практических нужд. И в первую голову это касается политической антропологии, формирование которой напрямую связано с потребностями по организации управления европейцами своими колониями. О тесной взаимообусловленности колониальной практики и антропологии писал в конце XIX века журнал Британского Этнологического общества: “В настоящее время общепризнано: этнология требует самого пристального внимания не только потому, что она способствует удовлетворению любопытства тех, кто любит заглядывать в деяния природы, а из-за ее практического значения, особенно для страны, чьи многочисленные колонии и интенсивная торговля способствуют контактам с различными видами рода человеческого, которые отличаются друг от друга физическим обликом и нормами морали” [3, р. 182]. Эта же мысль была сформулирована В. Флауэром в его послании Президиуму антропологического института в 1884 году: “Предмет этнологии... наиболее важен в практическом отношении. Он важен для того, кто должен управлять” [3, р. 184]. Именно эти цели преследовали первые британские ученые, которые впоследствии стали создателями знаменитых антропологических школ: Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун, М. Глюкман, Э. Эванс-Притчард и др. Классик отечественной африканистики Д. А. Ольдерогге считал, что “изучение механизма управления в туземном обществе явилось основой для развития в Англии так называемой практической антропологии, идейным вождем которой был Б. Малиновский. Британские антропологи ставили своей задачей прежде всего изучить систему управления, существующую в традиционном обществе” [4].

О связи антропологии и колониального управления писал и Леви-Стросс: “Это исторический факт, что антропология родилась и развивалась под сенью колониализма” [5, с. 9]. Именно так и представители колонизованных народов воспринимама-

ли антропологию. Этот же автор ссылается на английского исследователя, который привел характерный пример: на картине, написанной в Аккре в память об обретении Ганой политической независимости, изображены бегущие агенты колониализма. Рядом с администратором округа помещен антрополог, держащий под мышкой экземпляр журнала “Африканские политические системы”, издававшийся Форте-сом и Эванс-Притчардом [5, с. 9]. Отметим здесь же, что именно с выхода в свет книги “Африканские политические системы” под редакцией М. Форте-са и Е.Э.Эванс-Притчарда в 1940 году ведет свое летоисчисление и политическая антропология. Одним словом, возникновение политической антропологии как относительно самостоятельной субдисциплины было по сути дела теоретическим обобщением европейского (прежде всего английского) опыта по организации управления на колонизованных ими территориях [6].

Трудно переоценить роль колонизационных процессов в истории российского государства. Она была теснейшим образом увязана с колонизацией народов, населявших огромные евразийские территории. Поэтому проблемы управления инородцами естественно вставали перед центральной властью. В 20-х годах прошлого столетия, как известно, министр и ближайший советник императора Александра I разработал и в 1822 году ввел в действие Устав об управлении инородцами. В течение всего XIX века Устав пополнялся новыми актами, а в 1892 году все эти акты были сведены в Положение об инородцах, которое действовало до революции 1917 года.

Естественно, что тождественный общественно-исторический опыт, в частности западноевропейских метрополий и России, должен был породить и общие проблемы, а также подходы в их разрешении. Это легко обнаруживается при сопоставлении методов управления, используемых европейцами на заморских территориях и российскими властями. Русский царизм также варьировал “косвенное” и “прямое” управление по отношению к различным народам, включаемым в состав государства, т.е. задолго до того как эти системы были признаны классическими моделями колониально-управленческой практики в 30-х годах нынешнего столетия. Однако колониальный процесс, который осуществляла Россия, почти не находил отражения в научно-теоретическом сознании, что отличает его коренным образом от “западного” варианта. Если в западной традиции, к примеру, антропологи тесно сотрудничали с чиновниками, создавая для них справочники по обычному праву “туземных” народов, то кодификация норм обычного права народов Сибири осуществлялась силами местных государственных чиновников, которым “было вменено в обязанность собрать и записать сведения об обычаях и “юридическом быте” инородческих обществ, почерпнутые у самих инородцев. Разумеется, распоряжение было выполнено с разной степенью прилежания и ответственности при его исполнении” [7].

Одним словом, если колониальный процесс на Западе привел к осознанию обществом и государством необходимости развития антропологии, прежде всего как прикладной дисциплины, что впоследствии привело к образованию крупнейших научных школ в антропологии, которые возглавлялись людьми непосредственно принимавшими участие в колониальном процессе, то в России, казалось бы, тот же общественно-исторический опыт ничего подобного не породил. Если в западной

традиции возник даже специальный институт “государственного антрополога”, в задачи которого входило консультировать чиновника-практика в принятии последним решений по управлению инокультурным населением, а исследования теоретиков также финансировались колониальными властями, то в России крупнейшие этнографы (антропологи) зачастую сами являлись политическими оппонентами правящей власти. Достаточно вспомнить, что именно в рамках “народничества” изучалась русская крестьянская община, принципы организации которой народники собирались воплотить в будущем государственном устройстве российского государства. А бывший народовец В.Г.Богораз стал одним из классиков отечественной антропологии. Свой интерес к этнографии он рассматривал в качестве проявления оппозиционности государственной российской власти: “Социальное задание эпохи для последних землевольцев и народовольцев, попавших в далекую ссылку на крайнем северо-востоке, состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытных, полуистребленных и почти совершенно неизвестных” [8, с. XIII]. Политическим оппонентом власти был и другой классик отечественной антропологии В.Я.Штернберг.

По сути дела российская антропология сохранила свой “антигосударственный статус” и в советское время. Поэтому вряд ли можно согласиться с В. Тишковым, что “адресатом профессиональной деятельности” этнографа в советский период были “структуры власти”, а также рационализация и гуманизация систем управления..., с оказанием рекомендательного содействия правящим элитам в проведении национальной политики, предотвращения или разрешения конфликтов” [2, с. 13]. Действительно, власти вменяли в обязанность “советскому этнографу” писать “отчеты” и “докладные записки”, которые преследовали, вероятно, подобные цели. Однако любому бывшему “советскому этнографу” прекрасно известен и другой факт: эти же власти были абсолютно глухи к рекомендациям ученых “по рационализации и гуманизации” управления народами, входившими в состав СССР. Подобное невнимание российских властей к антропологии, которая должна была, казалось бы, учитывая наш колониальный общественно-исторический опыт, всегда пользоваться особым расположением государства, объясняется, по всей видимости, различием политических культур (ПК) Запада и России.

Последняя характеризуется ярко выраженным иррационализмом, патримониальностью. Это означает, прежде всего, слабое развитие ее рационального пласта, вследствие чего значительное место в ней занимает традиционная деятельность субъектов властных отношений, осуществляемая преимущественно бессознательно с ориентацией на воспроизводство ранее сформировавшихся стереотипов. Важным элементом российской государственно-управленческой традиции является физическое принуждение в сочетании с принуждением идеологическим и психологическим на базе моделирования отношений между управляющими и управляемыми по типу семейно-патриархальных. В этой традиции верховная власть или верховный правитель выступает либо как “Отец Отечества” (этот титул официально, к примеру, был присвоен Сенатом Петру I), либо как “Отец Народов”, а взаимоотношения между этносами считаются “братскими”, в которых доминирует “старший брат”, т.е. русский народ. Именно поэтому, на наш взгляд, российское колониальное управление никогда не сопровождалось научно-теоретической

рефлексией, что, кстати, породило в свое время политическую антропологию на Западе. Политическая же оппозиция в России всегда состояла преимущественно из интеллигенции - социального слоя, находившегося и находящегося под мощным влиянием западных идей. Поэтому, видимо, антропология здесь, в отличие от Запада, развивалась не как государственная наука, а скорее, как наука, оппозиционная государству. Что же касается требований коммунистической власти к этнографам по написанию “отчетов”, “докладных записок” и т.д., то представляется, что это было не что иное, как демонстрация ее приверженности принципам “научного управления обществом”. Именно “наука” выступала в тот период времени в качестве сакрального компонента в идеологических постулатах советской власти. В действительности же роль этнографии в этот период была сведена к преимущественному изучению материальной культуры этносов, проживающих на территории СССР, их фольклора и, частично, традиционных верований. В целом она рассматривалась как наука, призванная либо сохранить элементы традиционной культуры народов, которые, как считалось, существовали в качестве пережитков и были обречены на исчезновение по мере продвижения этих народов по пути социализма, либо посредством анализа этих “пережитков” реконструировать их прошлое, на фоне которого должны были быть еще более очевидны “успехи социалистического развития” того или иного этноса в составе СССР. Что касается советских этнографов-зарубежников, то от них ждали критики буржуазных антропологических учений и, прежде всего, во вопросу о возникновении государства, который, как известно, является принципиальным для марксистской теории и который также находится в сфере интересов политической антропологии. Поэтому этнография (антропология) и рассматривалась исключительно как историческая дисциплина и изучалась, естественно, на исторических факультетах. С научно-мировоззренческих позиций, подобный взгляд на этнографию был во многом обусловлен царившими в отечественном обществоведении эволюционистскими воззрениями на общественный процесс, во-первых, и отождествлением представлений о культуре и обществе, во-вторых. В соответствии с ними конкретный социум, продвигаясь по пути исторической эволюции, должен был утрачивать свои этнокультурные характеристики, превращаясь в носителя универсальных свойств и, прежде всего тех, которые были присущи наиболее продвинутому по шкале исторического прогресса народу, т.е. русским. Здесь слились воедино казалось бы совершенно различные вещи. С одной стороны, традиционная политика российской власти по насильственной интеграции и окультуриванию народов. С другой стороны, марксизм, предполагавший активное воздействие человека на общественные процессы для ускорения общественного прогресса. Поэтому коммунистическая власть старалась форсировать достижение культурного единства входивших в СССР этно-национальных образований, тем самым, по-видимому, ускорить развитие советского общества по пути общественно-исторического прогресса. Так представители малых народов Севера насильственно переселялись в “новое благоустроенное жилище”, в результате которого этнографу-полевику нередко доводилось наблюдать, как это новое жилье использовалось людьми для различных хозяйственных нужд, в то время как основная жизнедеятельность продолжала протекать в традиционных жилищах, устанавливавшихся неподалеку от

“современных”. Памятна, в этой связи, и мысль Н. С. Хрущева, сформулированная им во время визита в Белоруссию в начале 1960-х годов. Она сводилась к тому, что чем быстрее белорусы полностью перейдут на русский язык, тем быстрее в Советском Союзе будет построен коммунизм.

Представлениями о тождестве “культуры” и “общества”, при котором предполагалось, что волевое “прогрессивное” воздействие на “культуру” непременно окажет соответствующее влияние на “общество”, определялась политическая практика в более поздние периоды. Например, попытка брежневского режима закрепить в новой конституции русский язык в качестве единого государственного языка вызвала народные волнения в кавказских республиках бывшего Союза. По сведениям литовских информантов, местные коммунистические власти запрещали отмечать традиционные литовские, по их представлениям, “буржуазные” праздники, что также должно было способствовать ускорению общественной консолидации в рамках “единой семьи народов”.

Однако если в сфере материальной или духовной культуры все же допускалось существование определенных пережитков прошлого, обусловленных “объективностью процесса исторического развития”, то в области политической культуры это полностью исключалось. Поэтому проблема изучения бытования традиционных элементов в сфере политики, что обычно входит в сферу интересов политической антропологии, выводилась за рамки научного познания, так как считалось, что именно в этой сфере произошел переход “к новому качеству”, исключавшему всякую преемственность. В частности, предполагалось, что официально установленная унифицированная политико-административная форма организации общества полностью отражала рабоче-крестьянское содержание советского государства на всей территории бывшего СССР.

Иными словами, искусственно устранился конфликт между формой и содержанием, конфликт, который в принципе стимулирует научное познание. Отсутствие же конфликта неизбежно превращало науку в идеологию, призванную обеспечить легитимность власти. Поэтому другая задача, стоявшая перед этнографией, была чисто идеологической, а именно: демонстрация взаимопроникновения культур “братских” народов, которая лежала в основе некоей единой культуры “новой исторической общности - советского народа”. Одним словом, этнография в советский период являлась и частью идеологии, развиваясь в соответствии с теми идеологическими приоритетами, которые были характерны для существовавшего политического режима.

Информация, которая хлынула из республик Советского Союза уже в первые годы “эпохи гласности”, свидетельствовала о том, что их политическая жизнь во многом определяется не формальными политико-правовыми установлениями, а традиционной политической культурой (ТПК) того или иного этноса, которая, как становилось очевидным, продолжала детерминировать политическое поведение их представителей. К примеру, материал, опубликованный в “Казахстанской Правде” от 27 января 1987 года, говорил о фактах использования традиционных титулов власти по отношению к советским и партийным лидерам республики. Речь, в частности, шла об использовании традиционного титула “улы” при обращении к бывшему первому секретарю Чимкентского обкома КПСС (“улы” в традиционной политической

культуре казахов означает “великий хан”).

Не менее красноречивые факты о характере взаимоотношений между правителями и управляемыми, которые полностью соответствовали нашим представлениям о политической культуре “восточных деспотий”, всплыли в ходе расследования так называемого “узбекского дела”. К примеру, тюрьма, обнаруженная в подвале дома председателя колхоза, героя социалистического труда, удивила, мягко говоря, не только интеллигентные слои нашего общества, но и сами “центральные” власти. В то же время это “удивление” объяснялось, прежде всего, незнанием закономерностей функционирования ТПК в условиях “советского общества”. Известно, что наличие тюрьмы в резиденции среднеазиатского правителя всегда являлось важным символом, демонстрирующим его положение в социально-политической иерархии. Другими словами, несмотря на все попытки прежней власти унифицировать политическую культуру “советского народа”, традиционные ценности этносов, входивших в состав СССР, продолжали во многом определять политические процессы на местах. Невнимание прежней власти к познанию традиционных политических культур подчиненных ей субъектов, а также функционирования элементов этих культур в системе коммунистического управления, существенно снижало ее возможности находить оптимальные управленческие решения, которые бы, в конечном итоге, обеспечили ей ее собственное выживание. Не удивительно поэтому, что именно “этнический” фактор во многом определил судьбу бывшей “империи”.

Это же привело, как показывает анализ недавнего прошлого, к тому парадоксальному факту, что сама центральная власть в большей мере, чем остальные субъекты властно-управленческих отношений, попала под гипноз своей собственной идеологии. В первые годы “перестройки” было очевидно, что представители центральной власти абсолютно не понимают существа процессов на местах, которые вдруг стали достоянием гласности. Памятны пылки выступления “прорабов перестройки” следователей Гдяна и Иванова, расследовавших “узбекское дело”, для которых факты, с которыми они столкнулись, свидетельствовали “о полном разложении коммунистического режима”. Им и в голову не приходило, что разложился не “режим”, а их собственные ложные представления о той реальности, которая существовала под сенью марксистско-ленинской фразеологии, о реальности, содержание которой составляла традиционная политическая культура (ТПК) народа. Эту реальность они попросту не знали, да и не могли знать, так как их представления о ней формировались под влиянием идеологии. Местные же власти в этно-национальных образованиях, которые во многом определялись ТПК этносов, адаптировались к идеологическим установкам, исповедуемым московскими властями. Используя зачастую традиционные методы управления на местах, они в то же время придавали им коммунистическое обличье, которое бы соответствовало ожиданиям центральной власти. В этой связи вспоминается факт, зафиксированный мною в 1980 году в Абхазии во время этнографической экспедиции по проблемам геронтологии. В одном из районов, по рассказам местных жителей, имела место кровная вражда между двумя уважаемыми родами. Представитель одного рода возглавлял орган советской власти, другой - партийной. Эта вражда принесла обеим сторонам как материальные убытки, так и человеческие жертвы. Наконец в

райцентр прибыли партийно-государственные чиновники из Сухуми, которые якобы совершили в местном “Доме культуры” обряд, призванный примирить враждующие роды, что, в конечном итоге, и положило конец этому противостоянию. Я не знаю, стал ли факт “войны властей” известен в Центре, но в любом случае, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что если бы это и случилось, то в Центр пошла бы информация о “принятых мерах”, т.е. созыва собрания коммунистов, вынесения выговоров отдельным руководителям и т.д. и т.п., т.е. в рамках официально принятой в советском государстве политической культуры. Естественно, что ни в коем случае не упоминалась бы истинная причина конфликта и реальная форма его разрешения.

Систематическое изучение этнической специфики политического процесса, роли и места традиционных институтов “в советской цивилизации” является задачей политико-антропологических изысканий. Во всяком случае современные, еще самые поверхностные исследования, в частности, в наших кавказских республиках свидетельствуют о том, что эти институты вопреки общепринятому мнению о их полной деградации в это время весьма успешно адаптировались к советской реальности, а современные события там есть не что иное как продолжение развития в новых условиях той социополитической ситуации, которая сложилась на Кавказе в коммунистический период [9, с. 193–200].

Распад СССР и образование на его территории независимых государств мгновенно “окрасил” новые политические системы в этнические тона. К примеру, несмотря на декларативную приверженность демократии, политические режимы в азиатских республиках бывшего СССР по существу приобрели ярко выраженные восточно-деспотические черты при достаточном многообразии форм, определяемых конкретными ТПК. Особенно характерен в этом смысле пример Туркмении.

Новые условия в России вызвали небывалый всплеск этнического самосознания у народов, населяющих ее территорию. В этой ситуации перед центральной властью появились новые проблемы, связанные с управлением этими процессами, реформированием всей общественной жизни. В этой связи, политико-антропологическое изучение общества призвано удовлетворить не только академический интерес, связанный с исследованием механизмов функционирования и воспроизводства этнокультурной информации в новом политическом контексте, т.е. решением теоретических задач, стоящих перед современной политической антропологией, но имеет и вполне определенный практический аспект. Иными словами, политическая антропология может быть использована у нас и в своей изначальной функции, а именно, в функции прикладной науки, направленной на оптимизацию принимаемых в процессе управленческой деятельности решений в условиях, когда в качестве управляемых выступают полиэтничные субъекты, ПК которых густо замешана на традиционном субстрате.

Представляется, что демократизация российского общества одновременно означает и рационализацию его политической культуры. Это предполагает, в частности, что научно-теоретические мотивации становятся немаловажным фактором политического поведения субъектов властных отношений. Такое поведение характеризуется в том числе и тем, что процесс принятия управленческого решения осуществляется на основе предварительного научно-теоретического осмысления эмпи-



рических данных, а также на основе результатов, полученных в ходе эксперимента. Именно так использовалась политическая антропология в западной колониальной практике.

Можно, однако, усомниться по поводу правомерности перенесения подобного опыта в российскую демократическую реальность. С нашей же точки зрения, колониализм - это не только эксплуатация внеэкономическими методами, но и процесс взаимодействия культур, в ходе которого выявились определенные закономерности, в том числе связанные с практикой управления населением, принадлежащим к иной культуре. Конечно, цели такого управления могут быть различными, но представляется несомненным, что анализ этого опыта может обеспечить необходимый эмпирический материал для формулирования ряда универсальных закономерностей в данной сфере. Это особенно актуально для современной России, в которой реформы всегда осуществляются центральной властью. Традиционные силовые методы, которые и сейчас, как мы можем наблюдать, продолжают ею использоваться при проведении национальной политики, утратили свою эффективность. Яркой иллюстрацией этого тезиса служит политика по отношению к Чечне. Незнание ТПК этого народа, с одной стороны, а также традиционная приверженность власти к насилию при проведении этнонациональной политики, с другой, привели к известным итогам.

Похоже, что потребность в новых методах управления этно-национальными процессами сегодня отчетливо ощущается и самой властью. Причем виден и вектор этого интереса, направленный в сторону изучения традиционных культур этносов России ( в том числе и ТПК), и адаптации этих культур к новым экономическим и социально-политическим реалиям. Например, нередко в ходе чеченских событий раздавались голоса различных представителей власти по поводу привлечения традиционных авторитетов для урегулирования конфликта. Появлялась информация о переговорах со старейшинами того или иного села и т.д. Иными словами, у власти и, в первую очередь, у ее представителей, непосредственно вовлеченных в разрешение чеченского конфликта, появлялось понимание необходимости использования ТПК этноса, в данном случае чеченцев, для достижения своих правленческих целей.

О движении в сторону понимания властью необходимости знать культуры подвластных ей этносов и использовать эти знания в управлении свидетельствует и тот, например, факт, что антропологи сегодня активно участвуют в обсуждении принимаемых законов в сфере национальной политики. Обширная дискуссия развернулась в настоящее время на страницах научного антропологического издания по поводу проекта закона “Основы правового статуса коренных народов Севера России” [10, с. 74–88]. В ходе этой дискуссии вполне закономерно встал вопрос и об “объекте и смысле юридической антропологии и антропологии вообще в этом контексте” [10, с. 80].

Важным симптомом, указывающим на изменения, происходящие в нашей ПК, и, в частности, пробуждающийся интерес власти к науке при проведении национальной политики в новых условиях, является постановление правительства от 1 мая 1996 года: “Рекомендовать создание при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации структур (комитетов, министерств, отделов и секторов в

аппарате администраций), ведающих вопросами... межнациональных отношений, наладить их взаимодействие с Министерством Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям”.

Если учесть, что в условиях рационально-правовой ПК, в которой компетентность является главным аргументом для занятия места в бюрократическом аппарате, то роль антрополога, знающего ту конкретную этнокультуру, на которую направлены управляющие воздействия государственного органа, а также владеющего на основании изучения мирового опыта, знанием законов и закономерностей, определяющих взаимодействие различных культур, роль субъективного фактора в этом процессе должна стать чрезвычайно значимой.

Представляется, что в России рост интереса в будущем к антропологии вообще, и к ПА в частности, объективно предопределен, причем здесь, учитывая культурное многоцветье государства, он должен быть особенно бурным. Поэтому сегодняшнее состояние дел, когда во всех вузах страны имеется всего лишь несколько антропологических кафедр (вспомним цифры по США, приводимые в начале статьи), да и то, как правило, при исторических факультетах, должно быть, будет казаться недоразумением.

### **Литература**

Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1989.

Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. №1.

Foster M. Applied Anthropology. California, 1969.

Ольдерогге Д. А., Потехин И. И. Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма // Англо-американская этнография на службе империализма. М., 1951.

Цит. по: Борофски Р. Введение к книге “Осмысливая культурную антропологию” // Этнографическое обозрение. 1995. №1.

Обычное право народов Сибири. М., 1997.

Бочаров В. В. Власть, традиции, управление. М., 1992.

Богораз В. Г. Чукчи. Ч.1. Л., 1939.

Бобровников В. О. Колхозная метаморфоза адата у дагестанских горцев // Homo Juridicus: Матер. конф. по юридической антропологии. М., 1997.

Соколова З. П., Новикова Н. И., Ссорин-Чайков Н. В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы // Этнографическое обозрение. 1995. №1.

### **Учебная программа курса “Политическая антропология”, читаемого на кафедре культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ**

Общий объем - 64 часа. Из них: лекции - 46 часов; семинары - 14 часов; прием экзамена - 4 часа.

Цель: Раскрыть содержание ПА как относительно самостоятельной субдисциплины в структуре антропологического знания, ее отношения к другим дисциплинам, изучающим сферу политики, а именно, политической социологии, политической философии, политической психологии и политологии. Дать представление об истории возникновения ПА как дисциплины, изучавшей первоначально системы властно-управленческих отношений в традиционных обществах, разобрать основ-

ные типы институтов, характерных для них, а также главные формы раннеполитических объединений. Раскрыть органическую связь становления субдисциплины с колониальным процессом, а также обратить особое внимание на ее возможности как прикладной науки. Определить цели и задачи ПА, объект, предмет и основные методы исследования, ее понятийно-категориальный аппарат. Показать ее потенциал в изучении современных политических процессов в индустриальных и постиндустриальных обществах и, в особенности политической культуры России.

На семинарских занятиях производится контроль за усвоением ранее изложенного материала, заслушиваются и обсуждаются доклады и сообщения студентов по наиболее сложным темам, а также результаты элементов эмпирических исследований по изучению организации прежде всего неформальных властных отношений в малых группах, различных субкультурах, этнокультурных образованиях, производственных коллективах, общественных и политических организациях и т.д.

В рамках данного курса предполагается написание студентами курсовых и дипломных работ.

ТЕМА 1. Из истории политической антропологии.

Лекция 1-2.

Ознакомление с трудами авторов, стоявших у истоков ПА, которые в своих исследованиях затрагивали в той или иной мере проблемы архаических систем власти (Л.Морган, Г.Мэн, Дж.Фрэнгер, Э.Тэйлор, Р.Лоуи).

Политическая антропология появляется как относительно самостоятельная субдисциплина в рамках антропологии с выходом в свет книги “Африканские политические системы” под редакцией М. Фортеза и Э. Эванс-Притчарда в 1940 году. Характеризуются английская, французская и американская школы в политической антропологии и научные авторитеты, внесшие существенный вклад в становление и развитие ПА. Анализируется связь современной политической антропологии с колониальным процессом, а также причины, обусловившие научно-теоретическое его осмысление в западной общественно-колониальной практике. Результаты этого анализа сопоставляются с аналогичным опытом в России. Рассматриваются основные этапы в развитии ПА: эволюционизм, британский функционализм, структурализм, неэволюционизм, а также ориентация на исследование политического процесса и процесса принятия решения.

ТЕМА 2. Политическая антропология в системе социогуманитарных наук.

Раскрывается соотношение понятий “политическая антропология” и “политическая этнография”. Место ПА среди других наук, изучающих политические отношения: политической социологии, политической философии, политической психологии, политологии, а также ее взаимодействие с этими науками.

ТЕМА 3. Категориальный и понятийный аппарат политической антропологии.

Анализируются и определяются основные понятия и категории ПА, которые не имеют самостоятельного статуса, а заимствованы ПА у политической социологии и политологии. Это: власть, авторитет, руководство, управление, влияние, сила, насилие, принуждение, легитимность и легальность и др.

ТЕМА 4. Методы исследования политической антропологии.

Работа с историко-этнографическими источниками. Мифы, сказки, пословицы и поговорки, анекдоты, произведения литературы и искусства как источники полити-

ко-антропологического анализа. Метод “включенного наблюдения” - основа антропологического анализа. Преимущества и недостатки метода “включенного наблюдения”. Сравнительно-исторический метод, функциональный, эволюционный, диалектический.

ТЕМА 5. Традиционная политическая культура - основной объект исследования политической антропологии.

Лекция 1. Определяется соотношение понятий “природа”, “общество”, “культура”, в частности, несводимость понятия “общества” к понятию “культура”. Выделяются различные типы культур, как-то: экономическая, административная, молодежная и т.д. Дается определение понятию “политическая культура” как реализация конкретного политического бытия. Подчеркивается роль традиций в конституировании культуры и, в частности, политической культуры. “Общественные традиции” и “культурные традиции”. Анализируется роль традиций в формировании “политического режима”.

Лекция 2. ТПК и архаическое общество. Соотносятся понятия “политическая культура” и ТПК. Раскрывается роль традиции как главного регулятора социально-политических отношений в архаических системах (т.е. так называемая “власть традиции”). Власть традиции осуществляется в традиционном обществе посредством экономических, социальных, социально-психологических и психологических механизмов.

Лекция 3. Экономические факторы, обеспечивавшие власть традиции в архаическом обществе. Экономический аспект полигамии. Престижная экономика как фактор увеличения авторитета лидера. Трудовые повинности управляемых в пользу лидеров. “Богатство лидера” как олицетворение его “силы” - гаранта благополучия всего социума. Наследование имущества как механизм воспроизводства властных отношений в социуме (левиратный брак). Основные формы наследования имущества (майорат, минорат).

Лекция 4. Социальные факторы власти традиции. Половозрастное разделение труда - основа “первичной” социально-политической стратификации общества. Социально-родственные (род, линидж, клан, племя) и социально-возрастные (возрастные группы, мужские дома, тайные союзы) объединения и их взаимодействие. Патрилинейность и матрилинейность как принципы организации властных отношений внутри родственных коллективов. Авторитет возраста и социально-возрастной конфликт в традиционных обществах. Диахронный и синхронный принципы классификации общинных поселений. Типы общин. Власть и управление в общине. Общинные и родственные объединения, их взаимодействие в структуре архаического общества.

Лекция 5. Психологические факторы власти традиции. Психофизиологический механизм привычки как внутренний регулятор поведения индивида. Общественное мнение как внешняя форма социально-психологического контроля. Психофизиологический механизм запрета и психология принуждения в структуре властных отношений.

Лекция 6. Власть и социальная норма. Возникновение первых социальных норм в процессе антропосоциогенеза. Доступ к пище (мясу) и женщинам - главные сферы первого социального нормотворчества. Запрет (табу) как “граница” положитель-

ной социальной нормы. В основе возникновения первых социальных норм лежали случайные индивидуальные поведенческие акты. “Подражание” и “внушение” - главные психологические механизмы, обеспечивавшие закрепление этих актов в социальную норму. “Норма” и “аномальность” - психологическое содержание власти. Раскрывается роль этих механизмов в процессе социализации в традиционном обществе, обеспечивавшем воспроизводство этих норм.

Лекция 7. Соотношение идеологии и общественной психологии на ранних стадиях политосоциогенеза. Мышление в комплексах - психологическая основа ранних идеологических представлений. Магическое мышление: онтогенез и филогенез. Универсальность представлений о “магической силе” на ранних стадиях социальности как отражение магического мышления. “Магическая сила” и “власть”.

Лекция 8. “Аномальность” и “власть”. “Аномальность” неодушевленных предметов - сакральные предметы (обереги, талисманы, священные деревья и камни и т.д.). Физическая и психическая “аномальности” как знаки наделенности “силой” (“властью”). Поведенческая “аномальность” (естественная и ритуальная) - способ обретения власти. Магическая идеология. Социально-психологические истоки поведенческой “аномальности” лидера в традиционном обществе. “Аномальное” поведение как способ фиксации социально-политической иерархии: пищевое поведение, вербальное поведение, сексуальное поведение, пространственное и т.д. Этикет - закрепление полярности поведения субъектов властных отношений в социальную норму.

Лекция 9. Культ предков. Культ предков как отражение половозрастной социально-политической иерархии. Психологические основы идеологических представлений культа предков. Традиционная ментальность и представления о жизненном цикле. Культ предков и тотемизм. Истолкование культа предков европейскими исследователями.

Лекция 10. Типы лидерства (М. Вебер). Традиционный лидер и формы традиционного лидерства в традиционных системах, харизматический лидер и его формы, рационально-правовой. Традиционный лидер и культ предков. Харизматический лидер и магическая идеология. Социально-политические предпосылки для возникновения различных типов лидерства.

Влияние М. Вебера на современные политико-антропологические исследования. ТЕМА 6. Ранние формы политической организации.

Группа (band), племя, вождество, государство. “Потестарное” и “политическое” в отечественной антропологии (этнографии). Проблема “государства” в отечественной науке и в ПА: различия и точки соприкосновения. Внутренний и внешний факторы в возникновении государства.

ТЕМА 7. Политическая антропология и изучение современности.

Лекция 1. ТПК и неформальные политические процессы в современном обществе. ПА в изучении развивающихся государств. Перспективы использования политико-антропологического исследования политических реалий России. Потенциал ПА в изучении индустриальных и постиндустриальных обществ.

Лекция 2. Колониализм как общественно-культурный процесс. Формы политико-культурного взаимодействия: адаптация, конфликт, сосуществование. Индивидуально-поведенческий аспект в условиях политико-культурного плюрализма. “Прямое

управление” и “косвенное управление” - общее и отличное. “Косвенное управление” как научный эксперимент по использованию традиционных институтов власти в системе рационально-правового регулирования. Прикладное значение ПА в колониальную эпоху. Колониальное управление в России: история и современность (советский период). “Советская цивилизация” как объект политико-антропологического анализа.

**ТЕМА 8. Сакрализация власти и тоталитаризм.**

Этнокультурные факторы тоталитаризма. Политический лидер в тоталитарном обществе: традиционные, харизматические и рационально-правовые аспекты. Харизматический лидер и молодежь в структуре тоталитарной власти. Иррациональность и власть в России. Культурно-психологические истоки русского тоталитаризма.

**ТЕМА 9. Власть и символ.**

Иррациональность и символ. Политический символ в традиционном обществе. Символика в современных политических системах. Власть и время в культуре общества. Претензии власти на управление временем. Авторитет власти и прошлое время. Власть: предвидение будущего.

**ТЕМА 10. Антропология насилия.**

Понятие “насилие” и культурный плюрализм. “Насилие” в европейской культуре. Типы насилия: системное - антисистемное, внешнее - внутреннее, символическое - инструментальное, видимое - невидимое. Власть и насилие.

**ТЕМА 11. Политическое и этническое.**

Отношения политического и этнического в традиционных обществах. Политическое и формирование отношений “мы - они” на ранних этапах социогенеза. Роль политического в становлении культурной идентичности. Власть и язык. Политизация этнического фактора.

### **Рекомендуемая литература**

- Аристотель. Политика // Сочинения. Т.4. М., 1983.
- Балезин А. С. Африканские правители и вожди в Уганде. М., 1986.
- Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.
- Боас Ф. Ум первобытного человека. М., 1926.
- Бондаренко Д. М. Человек. Общество. Власть: Бенин накануне первых контактов с европейцами. М., 1995.
- Брайант А. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953.
- Бочаров В. В. Этнография и изучение политических традиций общества // Советская этнография. 1989. №3.
- Бочаров В. В. К динамике политических процессов в доколониальных африканских обществах // Африканский этнографический сборник (Africana). 1990. №15.
- Бочаров В. В. Культурно-психологические истоки русского тоталитаризма // Угол зрения: Отечественные востоковеды о своей стране. М., 1992.
- Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. М., 1992.
- Бочаров В. В. К динамике потестарно-политических процессов в Восточной Африке // Ранние формы политической организации. М., 1994.
- Бочаров В. В. Индивид и власть в Тропической Африке (к проблеме

- иррационального в политике) // Околдованная реальность. М., 1994.
- Бочаров В. В. Власть и время в культуре общества // Пространство и время в архаических культурах. М., 1995.
  - Бочаров В. В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996.
  - Бочаров В. В. Истоки власти // Потестарность. СПб., 1997.
  - Бочаров В. В. Иррациональность и власть в России // Там же.
  - Васильев Л. С. Традиции и проблемы социального прогресса в истории Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
  - Валлон А. От действия к мысли. М., 1956.
  - Выготский Л. С. Этюды по истории поведения. М., 1930.
  - Выготский Л. С. Проблемы развития психики // Собр. соч. Т.3. М., 1983.
  - Гиренко Н. М. Социология племени. Л., 1991.
  - Зотова Ю. Н. Традиционные политические институты Нигерии. М., 1979.
  - Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
  - Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
  - Кобищанов Н. М. Священные цари // Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986.
  - Ковалевский М. М. Происхождение общественных институтов и общественной жизни. М., 1914.
  - Леви-Брюль К. Первобытное мышление. М., 1930.
  - Лурия А. Р. Об историческом исследовании познавательных процессов. М., 1974.
  - Лебедев П. Н. Очерки теории социального управления. Л., 1973.
  - Мифы о начале и проблемы первого табу // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979.
  - Мюллер Дж. Короли и сородичи. М., 1984.
  - Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975
  - Ольдерогге Д. А. Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма // Англо - американская этнография на службе империализма. М., 1951.
  - Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
  - Потестарность / Под ред. В.А. Попова. СПб., 1997.
  - Ранние формы социальной организации / Под ред. В.А. Попова. М., 1973.
  - Ранние формы политической организации / Под ред. В.А. Попова. М., 1974.
  - Фрейд З. Тотем и табу. Пг., 1923.
  - Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
  - Этнические аспекты власти / Под ред. В. В. Бочарова. СПб., 1995.
  - Эванс-Притчард Э. Э. Нуэры. М., 1985.